

несь Толстой и отъ военного суда, въ которомъ онъ однажды выступалъ защитникомъ. Судъ и осужденіе отрицаютъ Толстого и съ точки зрењія своего пониманія евангелія. Потому то онъ и поставилъ въ центрѣ своего романа громадную, по своему существу, антitezу судящихъ и судимыхъ. Эта смѣлая антitezа не могла не произвести на всѣхъ огромное впечатлѣніе. *Кто суды? Кого судять?*

Передъ нами несчастная Катюша, доведенная до проституціи и, по ошибкѣ слѣдователя, попавшая на скамью подсудимыхъ. А vis à vis на скамье судей совѣсти—знатный и богатый человѣкъ, князь Нехлюдовъ—дѣйствительный виновникъ несчастій Катюши. Богатство и бѣдность. Сомнительная честность и неповинная преступность. Добро и зло. Правда внѣшняя и правда внутренняя—все стало тутъ одно передъ другимъ во всей своей обнаженности, передъ суровой, но безпристрастной оцѣнкой видящаго правду художника и поразило насъ, потрясло и взволновало неожиданностью положеній и выводовъ. Ужасъ жизни со всѣми ея противорѣчіями, условностью, ложью со всѣми ея дикими и непослѣдовательными, лицемѣрными отношеніями—всталъ передъ нами грознымъ кошмаромъ и требуетъ коренныхъ моральныхъ и соціальныхъ преобразованій общества. Такъ дальше жить нельзя—вотъ что слышится въ каждой строчкѣ геніального произведенія Толстого, вотъ что даетъ ему особенную глубину, живучесть и значительность. Совершенно правъ Кропоткинъ утверждая, что романъ „Воскресеніе“—одно изъ самыхъ интернациональныхъ произведеній Толстого, и какъ вѣрно выразился одинъ французскій критикъ, „эта книга оставить свой глубокій слѣдъ на совѣсти вѣка“.

Громадное значеніе будетъ имѣть и религіозно-философская проповѣдь Толстого, о которой мы будемъ говорить ниже. При всей ошибочности и непослѣдовательности Толстого, какъ моралиста и соціального реформатора, при всемъ томъ, что на его воззрѣніяхъ замѣтенъ сильный слѣдъ его аристократическихъ настроеній, его произведенія уже потому цѣнны, что заставляютъ задумываться надъ коренными вопросами человѣческой жизни, и ставя ихъ ярко, рѣзко и смѣло, даютъ возможность и намъ искать на нихъ отвѣты яркие, смѣлые и опредѣленные.

Въ Толстомъ—мыслителѣ мы увидимъ все тѣ-же черты Толстого человѣка и художника и благословимъ его жажду правды, его немеркнущую ясность духа, его великое негодованіе противъ всѣхъ неправды жизни, то святое, благородное негодованіе, въ которомъ, одноть, уже залогъ будущихъ успѣховъ разума, справедливости и любви.

K. Арабажинъ.